

1997. – 171 p.

11. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. – Москва, 1960. – 503 с.

12. Мещанинов И. И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. – Ленинград : Изд-во “Наука”. – 388 с.

13. Konyar E. Excavations at the Mound of Van Fortress–Tuspa / “Colloquium Anatolicum”. – 2012. – Vol. X. – P. 147–166.

14. Smith A. T. Representational Aesthetics and Political Subjectivity: The Spectacular in Urartian Images of Performance / “Archaeology of Performance: Theaters of Power, Community, and Politics”. – Ed. by T. Inomate and L. S. Coben. Alta Mira Press, 2006. – P. 103–134.

15. Gökce B., Işık K., Değirmencioglu H. On Urartian Chariots / “Chasing Chariots: Proceedings of the first international chariot conference (Cairo, 2012)”. – Ed. by Andre J. Veldmeijer and Salima Ikram. Leiden, Published by Sidestone Press, 2013. – P. 107–122.

16. Grayson K. A. Assyrian rulers of the early first millenium BC. II (858–745). – University of Toronto Press, 1996. – 265 p.

17. Salvini M. Corpus dei Testi Urartei. Vol. I. CNR – Istituto di Studi Sulle Civiltà dell’Egeo e del Vicino Oriente, Roma, 2008. – 653 p.

18. Urartu – A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. – Ed. by R. Merhav. The Israel Museum, Jerusalem, 1991. – 364 p.

19. Древнетюркский словарь (ДТС). – Ленинград : Изд-во “Наука”, 1969. – 676 с.

20. Radner K. Between a rock and a hard place: Musasir, Kumme, Ukku and Šubria – the buffer states between Assyria and Urartu / “Bianili–Urartu: The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007”. – Ed. by S. Kroll, C. Gruber, U. Hellwag, M. Roaf & P. Zimansky. Peeters, 2012. – P. 243–264.

21. Grayson K. A. Assyrian rulers of the early first millenium BC. I (1114–859). – University of Toronto Press, 1991. – 425 p.

22. Gernot W. The Hurrians. – Warminster, Aris & Phillips Ltd, 1989. – 132 p.

References

1. Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey. – New York : Routledge, 2009. – xii+420 p.

2. Chahin M. The Kingdom of Armenia. – New York : Dorset Press, 1987. – 332 p.

3. Van Loon M. N. Urartian Art: Its Distinctive Traits in the Light of New Excavations. – Istanbul: Nederlands Historisch–Archeologisch Instituut, 1966. – 43 pl.+190 p.

4. Belli O. Konyar E. Early Iron Age Fortresses and Necropoleis in East Anatolia. – Istanbul, 2003. – 52 fig.+144 p.

5. Belli O. Urartular / “Anadolu Uygurlukları Ansiklopedisi”. Cilt. I. – İstanbul: Görsel Yayınları, 1982. – P.140–208.

6. Piotrovskij B. B. Istorija i kul'tura Urartu. – Sankt–Peterburg, 2011. – 656 s.

7. Çilingiroğlu A. The History of the Kingdom of Van – Urartu. – Van, 1988. – 59 p.

8. Frankel D. The Ancient Kingdom of Urartu. – British Museum Publications, 1979. – 32 p.

9. Salvini M. Nairi e Ur(u)atri. – Rome : Edizioni dell’Ateneo, 1967. – 94 p.

10. Çilingiroğlu A. Urartu Krallığı: Tarihi ve Sanatı. – İzmir, 1997. – 171 p.

11. Melikishvili G. A. Urartskie klinoobraznye nadpisi. – Moskva, 1960. – 503 s.

12. Meshhaninov I. I. Annotirovannyj slovar' urartskogo (biajnskogo) jazyka. – Leningrad : Izd-vo “Nauka”. – 388 s.

13. Konyar E. Excavations at the Mound of Van Fortress–Tuspa / “Colloquium Anatolicum”. – 2012. – Vol. X. – P. 147–166.

14. Smith A. T. Representational Aesthetics and Political Subjectivity: The Spectacular in Urartian Images of Performance / “Archaeology of Performance: Theaters of Power, Community, and Politics”. – Ed. by T. Inomate and L. S. Coben. Alta Mira Press, 2006. – P. 103–134.

15. Gökce B., Işık K., Değirmencioglu H. On Urartian Chariots / “Chasing Chariots: Proceedings of the first international chariot conference (Cairo, 2012)”. – Ed. by Andre J. Veldmeijer and Salima Ikram. Leiden, Published by Sidestone Press, 2013. – P. 107–122.

16. Grayson K. A. Assyrian rulers of the early first millenium BC. II (858–745). – University of Toronto Press, 1996. – 265 p.

17. Salvini M. Corpus dei Testi Urartei. Vol. I. CNR – Istituto di Studi Sulle Civiltà dell’Egeo e del Vicino Oriente, Roma, 2008. – 653 p.

18. Urartu – A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. – Ed. by R. Merhav. The Israel Museum, Jerusalem, 1991. – 364 p.

19. Drevnetjurkskij slovar' (DTS). – Leningrad: Izd-vo “Nauka”, 1969. – 676 s.

20. Radner K. Between a rock and a hard place: Musasir, Kumme, Ukku and Šubria – the buffer states between Assyria and Urartu / “Bianili–Urartu: The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007”. – Ed. by S. Kroll, C. Gruber, U. Hellwag, M. Roaf & P. Zimansky. Peeters, 2012. – P. 243–264.

21. Grayson K. A. Assyrian rulers of the early first millenium BC. I (1114–859). – University of Toronto Press, 1991. – 425 p.

22. Gernot W. The Hurrians. – Warminster, Aris & Phillips Ltd, 1989. – 132 p.

Алізаде Р., аспірант, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

Новий погляд на піднесення Урартського царства

У першій половині IX століття до н.е. в результаті боротьби з Ассурією утворилося Урартське царство. Незабаром перетворення цієї держави в одну з супер сил Близького Сходу пов'язано з деякими чинниками. Можна вважати, що одним з головних факторів є єдність етнічної приналежності населення цього регіону. У боротьбі проти зовнішньої небезпеки, місцеві племена, об'єднуючись, вели боротьбу. З утворенням Урартського царства, Ассирія на півночі зіткнулася з великою небезпекою. Основоположник правлячої династії Сардури I в Урартському царстві для піднесення держави провів деякі реформи. Серед проведених реформ, найголовнішими є створення сильної армії та з метою оборони будівництво найнадійнішої вежі Тушти.

Ключові слова: Урарту, Ассирія, Араме, Сардури I, Салманасар III.

Алізаде Р., аспірант, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

Новый взгляд на возвышение Урартского царства

В первой половине IX века до н.э. в результате борьбы с Ассирией образовалось Урартское царство. В скором времени превращение этого государства в одну из супер сил Ближнего Востока связано с некоторыми факторами. Можно считать, что одним из главных факторов является единство этнической принадлежности населения этого региона. В борьбе против внешней опасности, местные племена, объединяясь, вели борьбу. С образованием Урартского царства, Ассирия на севере столкнулась с большой опасностью. Основоположник правящей династии Сардури I в Урартском царстве для возвышения государства провел некоторые реформы. Среди проведенных реформ, самыми главными являются создание сильной армии и с целью обороны строительство самой надежной башни Тушти.

Ключевые слова: Урарту, Ассирия, Араме, Сардури I, Салманасар III.

* * *

УДК 95(6)

Байрамлы З.,

доктор исторических наук, профессор кафедры “Древняя и средневековая история”, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

Азимова С.,

докторант кафедры “Древняя и средневековая история”, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

Исмаилов Ш.,

докторант кафедры “Древняя и средневековая история”, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СЕФЕВИДАМИ И ГОСУДАРСТВОМ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

История дипломатических взаимоотношений между державой Сефевидов и Великими Моголами требует дальнейшего изучения. К их числу относится вопрос Кандагара, после безуспешных дипломатических попыток захваченного войсками правителя Моголов Шах-Джахана. Потеря Кандагара значительно ослабило северо-восточные рубежи империи Сефевидов. Обе стороны, не отказываясь от своих прав на город-крепость, вели дипломатическую переписку, и Кандагар оставался предметом напряженности между двумя империями.

Ключевые слова: Сефевиды, Великие Моголы, дипломатические связи, Кандагар, Шах Джахан, посольство Мир Хусейна.

(стаття друкується мовою оригіналу)

История дипломатических взаимоотношений Азербайджана в азербайджанской историографии остается на недостаточно изученном уровне, особенно международные связи с Османской империей, государством Великих Моголов и ханствами Туркестана. Целью данной статьи является изучение сефевидо–великомогольских дипломатических взаимосвязей за короткий исторический период – в годы правления шаха Сефи I (1629–1642). Несмотря на наличие в правление шаха Сефи I, как и в XVI – начале XVII века, спорных моментов между державой Сефевидов и Великими Моголами, преследовавшие международные угрозы сблизили оба государства, вынудив расширить взаимосвязи и заключить военно–политические соглашения.

Еще в конце XVI – начале XVII века шах Аббас I (1587–1629) добился больших успехов в войне против Османской империи и среднеазиатских ханств, укрепил западные и восточные рубежи Сефевидского государства, положил конец внутренним распрям и повысил международный авторитет своей империи. Однако, несмотря на отмеченные успехи, шах Аббас I велел казнить своего сына Сефи Мирзу, ослепить Солтан Мухаммада и Имамкули Мирзу, а четвертый сын Тахмасиб Мирза умер своей смертью, поэтому на трон после Аббаса I взошел 18–летний сын Сефи Мирзы Сами Мирза под именем Сефи I (1629–1642) [1, с. 78–80]. В это же время правителем империи Великих Моголов был сын Нуредина Джахангира Хуррам Мирза, известный как Шах–Джахан (1627–1658).

Хотя пакистанский ученый Риязуль Ислам называет нового главу сефевидского государства несведущим, безжалостным и жестоким, а правителя клонившегося к упадку государства Великих Моголов Шах–Джахана, напротив, хвалит, он, с учетом исторических реалий, отдает должное заслугам послов в налаживании дипломатических связей между двумя монархами [2, с. 154]. В 1629 году, то есть почти сразу после восшествия на престол шаха Сефи I, Шах–Джахан направил к нему своим послом известного у себя в стране сейида и эмира Мирберке для выражения соболезнования по поводу смерти шаха Аббаса I, о чем сообщается в сочинении “Зейл–и тарих–и аламарайи”, посвященном политическим событиям периода правления шаха Сефи I [3, с. 72]. Безусловно, ему были даны и дипломатические поручения, а также передано письмо для Сефи I. В этом письме, называя Сефи Мирзу сыном, Шах–Джахан предлагает ему всяческую свою помощь и призывает быть справедливым. Мирберке был достойно принят во дворце шаха и через пять месяцев отправлен обратно [2, с. 154; 4, с. 246].

Ввиду напряженных отношений Сефевидов с Османской империей и Шебанидами, шах Сефи I придавал большое значение дружеским связям с государством Великих Моголов. Прежде, чем отослать Мирберке на родину, шах направил в Индию представительную делегацию во главе с Мухаммадом Али–беком Афшаром, прибывшую в Лахор в июне 1630 года. Эта первое посольство шаха Сефи I в Индию было встречено с почетом и представлено везирем Аллама Афзал–ханом Шах–Джахану, который встретил посла с улыбкой на лице, лично принял письмо шаха из его рук и велел одарить всех членов посольства подарками и деньгами. По некоторым сведениям, посол получил наличными

316000 рупий. После столь высокого приема и уважительного отношения при дворе Великих Моголов, в октябре 1632 года Мухаммед Али–бек направился домой [2, с. 155].

Молодой и честолюбивый император Моголов с первых дней восшествия на престол вынашивал решение важных внешнеполитических вопросов, которые, так или иначе, имели отношение к государству Сефевидов. К их числу относились: возвращение от Сефевидов Кандагара, восстановление влияния в Туране, имевшегося при его предках, разрыв отношений правителей Декона с Сефевидами и их подчинения себе. Одними из основных его целей были сохранение дружеских связей с Тураном при наступлении на Кандагар, а во время похода в Туран – обеспечение нейтралитета Сефевидского государства.

Конечной же целью являлось создание при своем посредничестве союза Сефевидов с ханствами Турана и собственный контроль над обеими сторонами. В свою очередь, центральноазиатские ханы заключением соглашений с правителем Великих Моголов и участием в его походе против Кандагара надеялись обезопасить себя от возможной угрозы со стороны Шах–Джахана. Переговоры двух центральноазиатских ханов с Шах–Джаханом завершились заключением между ними в 1635 году договора, направленного против Сефевидов [3, с. 149; 2, с. 156, 157].

Таким образом, правитель Великих Моголов вел переговоры с ханами против Сефевидского государства, заключал соглашения с ними, но одновременно направлял послов ко двору шаха Сефи I. Когда Шах–Джахан давал Мухаммад Али–беку разрешение возвратиться в свою страну, он дал указание направиться к Сефевидам своему послу Сафтар–хану. Сафтар–хан во главе большого посольства отправился в 1633 году и взял с собой большое количество редких и ценных подарков, оцениваемых в 4 лека рупий (1 лек равен 100 тысячам – 3.Б.). Сафтар–хан прекрасно знал и тогдашние правила дипломатии. Как пишет Сейид Хусейн Астрабади, Сафтар–хан в 1043 г.х. (1634) прибыл в Кандагар, где его встретил правитель города Алимардан–хан, который сразу же отослал гонца с сообщением шаху Сефи I. По указанию шаха, посла встретил мехмандар Мухаммад–бек, который сопровождал посольство до Исфохана [5, с. 250; 2, с. 157]. В привезенном Сафтар–ханом письме шах Сефи I одновременно превозносился и подвергался недвусмысленной критике: Шах–Джахан риторически вопрошал о том, что неужели в Сефевидском государстве после мудрого покойного шаха Аббаса не осталось никого из советников, кто бы объяснил вам пользу соглашения между обоими государствами. В заключении письма шаху даются всяческие многословные наставления о государственных делах и призыв к мягкому обхождению с народом [2, с. 157].

Когда Сафтар–хан прибыл во владения Сефевидов, шах Сефи I находился на северо–западе страны, где шла борьба с османами за Иреванскую крепость, поэтому он на протяжении полутора лет не смог принять посла. После освобождения крепости от османов в марте 1636 года шах Сефи I направился в столицу, по дороге к ней, в городе Кашан посол получил разрешение на аудиенцию и отсюда он сопровождал шаха до прибытия в Исфохан (декабрь 1636 года). Шах выделял Сафтар–

хана среди других послов и на пирах оказывал ему особое внимание [1, с. 92; 2, с. 157, 158]. Например, при подготовке отъезда посольства Сафтар-хана на родину произошел некий скандал с голштинцами, о чем сообщает секретарь голштинского посольства Адам Олеарий. Олеарий пишет, что шах, когда узнал о событии, лично спрашивал у Сафтар-хана о возможном участии в нем кого-либо из везирей [2, с. 159; 6, с. 639, 640]. По сообщению Моллы Камала, шах оказал великое благоволение, дал Саттар-хану 5 тысяч туманов наличными, богатые подарки, и в середине 1637 года отправил на родину.

В начале 1638 года Сафтар-хан прибыл в Кандагар. Еще во время пребывания Сафтар-хана при дворе Сефевидов, Шах-Джахан в начале 1637 года направил к шаху Сефи I еще одного посла – Мир Хусейна. Шах благожелательно встретил и его. Мир Хусейн принес Сафтар-хану устное сообщение, которое тот должен был передать шаху. Однако ввиду отъезда Сафтар-хана это сообщение не дошло до шаха, и его содержание осталось неизвестным. По предположениям, это сообщение было связано с Кандагаром. Согласно плану, Мир Хусейн покинул пределы Сефевидского государства до вступления войск Моголов в Кандагар. Именно поэтому шах Сефи в письме, посланном через него Шах-Джахану, не коснулся вопроса Кандагара [3, с. 208; 1, с. 93; 2, с. 159, 160]. Кроме Кандагара, интересы Сефевидов и Моголов сталкивались также и в Деконе, объединявшем пять мелких владений. В 1636 году Шах-Джахан направил войска в Декон и принудил правителей Биджапура и Колконды, имевших тесные дипломатические связи с Сефевидами, признать свою зависимость от него. Ввиду опасений ухудшения отношений с Сефевидами из-за этого события до решения вопроса Кандагара, Шах-Джахан посылал Мир Хусейна в Исфahan с предложениями мира и дружбы, чтобы отвлечь внимание от основной цели Моголов – плана по захвату Кандагара, что и было в основном достигнуто.

После возвращения в 1636 году Иреванской крепости от османов, шах Сефи вернулся в Исфahan и здесь принял посла Индии Сафтар-хана. После переговоров с ним он назначил Ядигяр-бека своим послом в Индию. Ядигяр-бек отправился в Индию одновременно с Сафтар-ханом. По сообщениям местных источников, ему было поручено узнать о планах Моголов относительно Кандагара. Двигаясь быстрее, Ядигяр-бек прибыл в Индию раньше Сафтар-бека; письмо, доставленное им Шах-Джахану, не содержало ничего в связи с Кандагаром. Ядигяр-бек прибыл за месяц до занятия Кандагара войсками Моголов и был принят Шах-Джаханом весьма любезно: в августе 1638 года удостоился встречи с государем, получил от него ценные подарки и был отправлен на родину [3, с. 200; 1, с. 92].

По сообщению Искендер-бека Мюнши, правителем Кандагара в то время был Алимардан-хан, назначенный на должность за преданное служение шаху своего скончавшегося отца Гянджели-хана [7, с. 1041]. В 1631 году представитель налогового ведомства Алимардан-хана в Фусендже Шир-хан Афгани организовал грабительский поход в приграничные земли Индии, что сильно ухудшило отношения между Сефевидами и Великими Моголами, а также вынудило торговый караван, направлявшийся из Мултана в государство Сефевидов, остано-

виться в одном из пограничных пунктов и направить к Алимардан-хану своих представителей просить у него помощи.

Посланное Алимардан-ханом войско нанесло сильный удар по афганским разбойникам, а отряд из 500 человек охранял караван до самого Кандагара. Разбитый Шир-хан укрылся в Фусендже, куда направилось кызылбашское войско, были схвачены братья Шир-хана, его сын Султан Хосров Нейди, близкие родственники, а их имущество было доставлено в Кандагар. В Фусендже разместили кызылбашский гарнизон, мелкие разбойничьи отряды были ликвидированы, усилена охрана караванных дорог и тем самым частично снято существовавшее между двумя государствами напряжение [3, с. 75, 76].

Об отношении Джахан-шаха к Сефевидам свидетельствует предоставление в 1632 году укрытия бежавшему сюда Шир-хану Афгани и письмо османскому султану Мураду IV (1623–1640) в 1636 году с предложением одновременного нападения на владения Сефевидов с трех направлений при участии также ханов Турана, и своем желании занять Кандагар. Вместе с тем, Шах-Джахан в первые годы своего правления, опасаясь мощи Сефевидов, для захвата Кандагара предпочтению еще отдавал мирным средствам [7, с. 1041], поэтому он приказал правителю Кабула Саид-хану направить опытного посла к сефевидскому наместнику города Алимардан-хану с требованием перейти на сторону Великих Моголов и подчиниться им. Саид-хан скрытно послал в Кандагар Зульфугар-хана, радушно встреченного Алимардан-ханом.

Посол пообещал от имени империи, в случае принятия зависимости от Моголов, целого ряда привилегий, в противном случае, сообщил посол, Шах-Джахан направит войско и все равно захватит город. Алимардан-хан, проводив посла, вслед направил письмо, в котором сообщал об отказе от предложенных условий и предпринял меры по укреплению городской крепости [2, с. 161]. Однако положение быстро сменилось в пользу Шах-Джахана: между Алимардан-ханом и новым сефевидским главным везирем Сары Таги существовала личная неприязнь, сведения доносчиков при наместнике Кандагара быстро и в усугубляющем виде были доведены до сведения шаха.

Шах Сефи вызвал Алимардан-хана во дворец, но, разузнав, что в случае своего отказа гулларагасы (глава дворцовой охраны) Сиявуш-бек получил приказ насильно доставить его в столицу, Алимардан-хан решил бежать к Шах-Джахану. Он написал письмо с целью выяснить, что ждет его в случае перехода на сторону Моголов и с нетерпением ожидал ответа. Обращает внимание, что его положение стремительно ухудшалось ввиду приближения к Кандагару Сиявуш-бека и наличия в крепости гарнизона, преданного шаху. Поэтому Алимардан-хан написал могольским военачальникам в Газне и Кабуле с требованием немедленно, не ожидая приказа могольского императора, перейти в наступление и прибыть в Кандагар. Как только письмо Алимардан-хана дошло до адресатов, так и поступили – первые могольские отряды вошли в город 26 февраля 1638 года. Правитель Мултана Гылынч-хан был назначен правителем Кандагара [1, с. 93; 2, с. 163]. Сеид Хусейн Астрабади сообщает, что в 1047 г.х. (1638) во дворец шаха

поступило сообщение о том, что Алимардан-хан сдал Кандагар правителю Кабула Саид-хану и бежал в Индию.

Шах Сефи I тотчас послал войско в Кандагар во главе с Сиявуш-беком и назначил новым правителем города Назар-хана Зики. Пока Сиявуш-бек, расположившись в лагере в 23 милях от Кандагара, пытался установить связь с находившимися в цитадели крепости сторонниками Сефевидов и кызылбашским гарнизоном, в город прибыл сам Саид-хан и скоро нанес поражение сефевидскому гарнизону, моголы полностью завладели Кандагаром [5, с. 256; 2, с. 163]. Таким образом, в 1637–1638 гг. Сефевиды вновь потеряли два значительных города – Багдад и Кандагар [8, с. 85].

Сиявуш-бек, не получив подкрепления, вынужден был отступить. Могольское войско скоро захватило и Заминдавар (1638/1639 г.).

Ж.-Б. Тавернье, живо интересовавшийся противостоянием между Великими Моголами и Сефевидами за Кандагар, сообщает, что Алимардан-хан бежал в Индию со всем своим огромным богатством, значительная часть которого досталась ему от отца, а при дворе Моголов из явившихся туда кызылбашей и туранцев никто не удостоивался таких почестей [9, с. 697]. Действительно, Алимардан-хан вначале был назначен правителем Кашмира, затем – Кабула. После смерти своего тестя Асиф-хана Шах-Джахана назначил Алимардан-хана на должность амир-аль-умара (командующего войсками – З. Б.) [2, с. 164]. По сведениям Тавернье, Алимардан-хан отказался от назначенной ему денежной выплаты, довольствовался высокой должностью и положением и не раз доказывал свои способности военачальника и правителя [9, с. 697].

Добившись своей цели, Шах-Джахан приступил к дипломатическим мерам, имевших целью сгладить последствия своих завоеваний. Он послал к шаху Сефи своим послом Ядигяр-бека и вместе с ним подарки – кувшин, украшенный рубином и изумрудом, пиалу в обрамлении алмазов, несколько ружей и другие ценные подарки, а также обещание выплачивать шаху часть ежегодных поступлений от Кандагара. Все эти меры могольского правителя имели целью избежать войны с Сефевидами. Однако Шах-Джахан не достиг цели – шах Сефи, заключив в сентябре 1639 года мир с Османской империей, отдал приказ о подготовке к войне за Кандагар. После двух лет подготовки шах выступил во главе войск в направлении Кандагара, однако в пути заболел и в мае 1642 года скончался в Кашане [2, с. 165, 166, 167].

Потеря Кандагара значительно ослабила северо-восточные рубежи империи Сефевидов. Последующая дипломатическая переписка была лишь видимой стороной нежелания обеих сторон уступить Кандагар противной стороне.

Список использованных источников

1. Камал ибн Джалал Мунаджим. Сливки историй. – Арак, х. 1334. – 127 с. (на персидском языке).
2. Риазул Ислам. История ирано-индийских взаимосвязей (в период Сефевидов и Каджаров). Перевод Мухаммада Багира и Аббаскули Гафарифарда. – Тегеран : Изд-во Сепеһр, х. 1373. – 428 с. (на персидском языке).
3. Искендер бек Торкман Мунши и Мухаммед Юсиф Муваррих. Продолжение мироукрашающей истории Аббасова. – Тегеран : Изд-во Исламийе, х. 1317. – 320 с. (на персидском языке).
4. Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. Перевод с

английского Степанова Л. В., Ястребовой И. П., Княжинской Л. А. – Москва : Изд-во Иностранной литературы, 1954. – 440 с.

5. Сейид Хусейн бин Муртаза Хусейни Астрабади. История султанов от шейха Сефи до шаха Сефи. – Тегеран : Изд-во Бахман, х. 1358. – 311 с. (на персидском языке).

6. Адам Олеарий. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Маквию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Пер. с немец. П. Барсова. – Москва : Университетская типография, 1870. – 1033 с.

7. Искендер бека Торкмена Мунши. Мироукрашающая История Аббасова. – Тегеран : Изд-во Голшан, х. 1350. – Т. II. – С. 607–1235.

8. Роджер Севори. Иран в период Сефевидов. Перевод Камбиза Азизи. – Тегеран, 1374. – 290 с. (на персидском языке).

9. Жан Батист Тавернье. Путешествие Тавернье. Пер. с перс. Абутураба Нури. – Исфahan : Изд-во Первин, х. 1336. – 719 с. (на персидском языке).

References

1. Kamal ibn Dzhahal Munadzhim. Slivki istorij. – Arak, h. 1334. – 127 s. (na persidskom jazyke).
2. Riazul Islam. Istorija irano-indijskih vzaimosvjazej (v period Sefevidov i Kadzharov). Perevod Muhammada Bagira i Abbaskuli Gafarifarda. – Tegeran : Izd-vo Sepehr, h. 1373. – 428 s. (na persidskom jazyke).
3. Iskender bek Torkman Munshi i Muhammed Jusif Muvarrih. Prodolzhenie miroukrashajushhej istorii Abbasova. – Tegeran : Izd-vo Islamiye, h. 1317. – 320 s. (na persidskom jazyke).
4. Sinha N. K., Banerdzhi A. Ch. Istorija Indii. Perevod s anglijskogo Stepanova L. V., Jastrebovoj I. P., Knjazhinskoj L. A. – Moskva : Izd-vo Inostrannoj literatury, 1954. – 440 s.
5. Sejid Husejn bin Murtaza Husejini Astrabadi. Istorija sultanov ot shejha Sefi do shaha Sefi. – Tegeran : Izd-vo Bahman, h. 1358. – 311 s. (na persidskom jazyke).
6. Adam Olearij. Podrobnoe opisanie puteshestvija Golshtinskogo posol'stva v Makviju i Persiju v 1633, 1636 i 1639 godah. Per. s nemec. P. Barsova. – Moskva : Universitetskaja tipografija, 1870. – 1033 s.
7. Iskender beka Torkmena Munshi. Miroukrashajushaja Istorija Abbasova. – Tegeran : Izd-vo Golshan, h. 1350. – T. II. – S. 607–1235.
8. Rodzher Sevori. Iran v period Sefevidov. Perevod Kambiza Azizi. – Tegeran, 1374. – 290 s. (na persidskom jazyke).
9. Zhan Batist Tavern'e. Puteshestvie Tavern'e. Per s pers. Abuturaba Nuri. – Isfahan : Izd-vo Pervin, h. 1336. – 719 s. (na persidskom jazyke).

Bayramly Z., Doctor of History, Professor of “Ancient and Medieval History”, Baku State University (Azerbaijan, Baku), q.abbasova@mail.ru
Asimova S., doctoral student “Ancient and Medieval History”, Baku State University (Azerbaijan, Baku), q.abbasova@mail.ru
Ismailov Sh., doctoral student “Ancient and Medieval History”, Baku State University (Azerbaijan, Baku), q.abbasova@mail.ru

Diplomatic relationship between the Safavids and the Mogul State

History of diplomatic relations between the Safavids power and the Great Moguls requires further study. These include the issue of Kandahar, after unsuccessful diplomatic efforts troops captured the Mogul ruler Shah Jahan. The loss of Kandahar significantly weakened north – east boundaries of the Safavids Empire. Both sides, without renouncing their rights to the city-fortress, led diplomatic correspondence and Kandahar remained the subject of tension between the two empires.

Keywords: Safavids, Moguls and diplomatic relations, Kandahar, Shah Jahan, the embassy Mir Hussein.

Байрамлі З., доктор історичних наук, професор кафедри “Давня та середньовічна історія”, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru
Азімова С., докторант кафедри “Давня та середньовічна історія”, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru
Ісмаїлов Ш., докторант кафедри “Давня та середньовічна історія”, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

Дипломатичні зв'язки між Сефевідами і державою Великих Моголів

Історія дипломатичних взаємин між державою Сефевідів і Великими Моголами вимагає подальшого вивчення. До їх числа належить питання Кандагара, після безуспішних дипломатичних спроб захопленого військами правителя Моголіє Шах-Джахана. Втрата Кандагара значно послабило північно-східні рубежі імперії Сефевідів. Обидві сторони, не відмовляючись від своїх прав на

місто-фортецю, вели дипломатичне листування і Кандагар залишався предметом напруженості між двома імперіями.

Ключові слова: Сефевіди, Великі Моголи, дипломатичні зв'язки, Кандагар, Шах Джахан, посольство Мир Хусейна.

* * *

УДК 82

Гашимов А.,
Нахчыванское отделение НАН Азербайджана
(Азербайджан, Нахчыван), rus_rahimli@yahoo.com

НАХЧЫВАНСКИЕ ТЕМЫ XI–XIII ВВ. В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ

Привлечены к исследованию романы писателей-историков Махмуда Исмаила “Хагани” и Ахмеда Исаева “Восстание”. В центре внимания находятся события, происходящие в Нахчыване и нашедшие отражение в романах, повествующих об истории Азербайджана XI–XIII вв., а также затрагивается проблема “писатель и современность”. Дается сравнение исторического прошлого Нахчывана с настоящей действительностью.

Ключевые слова: Азербайджан, Нахчыван, исторический роман, “Хагани”, “Восстание”.

(статья друкється мовою оригіналу)

Жанр романа в азербайджанской литературе имеет очень древнюю историю. Великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви (1141–1204) принадлежит к числу крупнейших мыслителей всех времен. Вклад его в сокровищницу мировой культуры поистине бесценен. Его знаменитые “Пять поэм”, впоследствии объединенные под общим названием “Хамсэ” (“Пятерница”), открыли новую страницу в истории культуры восточных народов. Низами Гянджеви по праву считается основоположником эпического романа в стихах в азербайджанской литературе. Темы его эпических романов взяты из важных исторических событий. Сюжеты произведений “Хосров и Ширин”, “Семь красавиц”, “Искандернаме” связаны и с историческими фактами, и с историческими легендами. Во вступительной “божественной” части “Семи красавиц”, посвященной традиционным, обязательным славословиям Аллаху и пророку Мухаммеду, Низами рассказывает о том, как он, усердно работая над новыми источниками и письменными документами на разных языках, выявил много интересного, “недосказанного” предыдущими поэтами, как, подбирая осколки самоцветов, он попытался их огранить и оправить. Тема правителя, справедливое управление страной уже была затронута великим Фирдоуси (934–1020), но Низами нашел, что Фирдоуси не все “досказал” и “жемчужина осталась недосверленной”. Выдающуюся роль в развитии азербайджанского языка и литературы сыграл Мухаммед Физули (1498–1556). Писатель и литературовед Мир Джалал Пашаев по праву считал первой нашей исторической повестью “Кадагатус–суада” (“Сады счастья”) переведенное Физули с фарсидского языка произведение Гусейна Ваиза “Ровзатушшуада”. Написанное рифмованной прозой произведение направлено против правителей, окружающих их чиновников, действия и слова которых полные обид были “похожи на волны Ноева потопа”.

Историко-религиозное произведение выдающегося азербайджанского просветителя Аббаскули Бакиханова (1794–1846) “Риязуль Гудси” (“Райские сады”), повествующее о событиях, происшедших в октябре 680 г. в Кербеле, также считается одним из первых образцов

исторической прозы. Особая роль в развитии азербайджанской исторической прозы принадлежит Зейналабдину Марагаи (1837–1910), созданный им исторический роман “Саяхатнамеи Ибрагим–бек” (“Путешествие Ибрагим–бека”) повествует о поэтах и писателях Азербайджана того времени. До установления Советской власти в Азербайджане было создано свыше двадцати романов на историческую тему, но ни один из них не заслуживает должного внимания. В тридцатые годы прошлого столетия в Азербайджане повышается интерес к истории, к героическому прошлому народа, что было свойственно всей советской литературе. Азербайджанские писатели М. С. Ордубади, А. Абдульгасан, С. Рагимов, Ю. В. Чемазминли, М. Гусейн, Мир Джалал Пашаев, А. Велиев являлись создателями первых азербайджанских советских исторических романов. Но именно М. С. Ордубади является основоположником жанра исторического романа в азербайджанской литературе. Романы “Табриз туманный”, “Меч и перо”, “Подпольный Баку”, “Город в борьбе” и др. отличаются исторической достоверностью, яркостью образов и увлекательно построенным живым сюжетом. 60–е, 70–е, 80–е годы явились новым периодом в развитии азербайджанского исторического романа. Яркими представителями жанра исторического романа были: А. Аббасов, Г. Мусаев, Макулы, А. Ниджат, И. Гусейнов, А. Джафарзаде, И. Шыхлы, Дж. Баркушад, А. Зохраббеков, А. Айлисли и др.

Сегодня наблюдается возрождение исторического романа в Азербайджане, наверное, потому что исторический роман является необходимостью, без которой ни одна литература не может долго существовать. В нашу эпоху высокой технологии, стремительной трансформации образа жизни людей человек испытывает все более острую необходимость вернуться к своему прошлому, чтобы частично ответить на тревоги сегодняшнего дня. Важное место в жанре азербайджанского исторического романа, созданного современными писателями, занимает отображение жизни и деятельности видных представителей блестящей плеяды мыслителей, государственных деятелей, регионов Азербайджана, сыгравших важную роль не только в истории Азербайджана, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке. Явуз Ахундулу, говоря о романах, повествующих о жизни известных личностей, пишет: “Основная цель исторических романов, повествующих о жизни выдающихся личностей, это не создание художественной биографии. Главным предназначением исторического романа является оценка прошлого сквозь призму современности. Автор, прежде всего, должен воскресить социально-политическую панораму времени, в котором изображена историческая личность, его духовный мир, взаимоотношения с современниками, породившую его историческую эпоху, а также с большой художественной убедительностью отразить события давно минувшего времени” [1]. Определивший принципы возрождения психологии образов исторических личностей писатель, критик Мехти Гусейн писал: “Историк не является психологом, но художник должен быть психологом. Исторической науке не свойственна психология, но без нее не создается историко-художественное произведение!” [3].

Исторический роман современного азербайджанского писателя Махмуда Исмаила посвящен жизни и твор-